

тым изложением часто весьма серьезных и обширных проблем. Это можно считать до некоторой степени правомерным, так как журнал не ставит перед собой задач глубокого, академического анализа филологических вопросов. В заключение следует отметить, что рассматриваемый журнал, несомненно, играет определенную положительную роль в деле развития турецкого языка и литературы и способствует широкой популяризации норм литературного турецкого языка.

А. Н. Васкаков

## ПОСЛЕДНИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ТРУДЫ ОБ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Интерес зарубежных ученых к осетинскому языку объясняется, помимо всего прочего, тем, что он принадлежит к индоевропейской системе (к иранской ее ветви), в то время как окружающие осетин народы говорят на неиндоевропейских языках. Большинство зарубежных осетиноведческих работ последнего десятилетия посвящено вопросам фонетики.

Проблемы осетинского ударения касается И. Гершевич в первой части своей статьи «Иранские заметки» (см. «Transactions of the Philological Society» — сокр. Trans. Phil. soc., — London, 1948, стр. 61—68), в которой рассматривается переход ударения в осетинском со второго слога на первый в случаях, когда необходимо подчеркнуть определенность предмета, например *xædzár* «a house», *xædzare* «the house». Подобное функциональное значение ударения, возникшее в иронском диалекте после утери определенного артикля *i* (который сохранился в дигорском диалекте осетинского языка), явилось результатом регрессии (~~~~~<~~~~~) или прогрессии (~~~~~>~~~~~) ударения. По мнению И. Гершевича, перемещение ударения в осетинском стоит также в зависимости от ритмики речи.

Статья Е. Гендерсон «Фонетическое исследование восточноосетинского (дигорского) диалекта» (см. «Bull. of the School of Oriental and African studies» — сокр. BSOAS, — t. XIII, part 1, London, 1949, стр. 35—78) явилась первым специальным трудом, посвященным дигорскому диалекту вообще и дигорской фонетике, в частности. Она представляет собой результат впервые примененного в осетинской фонетике исследования инструментальным путем (запись на кимографе, пластинках) речи природного дигорца (из г. Орджоникидзе). Кроме того, автор использовал диалектальные записи, предоставленные в его распоряжение проф. Г. Байли, а также «Памятники народного творчества осетин» и другие материалы.

О дигорских гласных в статье говорится слишком кратко и их характеристика не выходит за рамки сведений, уже имеющихся в литературе, кроме случая с гласным *æ*, для которого автор дал наиболее полное и точное описание. Деление гласных на долгие и краткие, на наш взгляд, правильно, однако оно не аргументировано. После краткого рассмотрения структуры слога дается схема возможных звуковых сочетаний в слоге. К сожалению, в ней отсутствуют слоги с гласным началом.

Наиболее полно изучен консонантизм. Дана классификация согласных по местонахождению в слоге и сложе и ряд схем сочетаний согласных с гласными в различных позициях. Все согласные делятся на классы *начальных* и *всходных*, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на два подкласса: *абсолютных* и *стыковых*. Но в начале и в исходе слова может оказаться целая группа согласных. Поэтому перечисленные классы и подклассы далее подразделяются на *единичные* и *сочетания*. Однако для начальных дело этим не ограничивается. Они могут находиться перед разными гласными, в зависимости от чего делятся еще на: а) начальные перед гласными переднего ряда, б) начальные перед гласными среднего (смешанного) ряда, в) начальные перед гласными заднего ряда.

Рассматривая геминацию в дигорском, автор устанавливает здесь три случая: 1) после определенных аффиксов, 2) на стыках слов при ассимиляции и 3) «во всех остальных случаях». Приходится сожалеть только, что остался незатронутым вопрос о так называемом «четвертом ряде смычных» в дигорском, поднятый проф. Г. С. Ахведянским и разработанный В. И. Абаевым для иронского диалекта осетинского языка.

Интересные наблюдения проведены в области соединения гласных и результатов этого соединения. Но, уделяя значительное внимание целому ряду деталей, автор, к сожалению, уклоняется от обобщений. Неразрешенным остался, несмотря на добросовестные и настойчивые попытки автора, вопрос о слоговом ритме и ударении. Приложенный к работе образец прозы в фонетической транскрипции в общем следует считать удачным.

Ценность самостоятельной и оригинальной работы Е. Гендерсон снижается из-за недостаточного внимания к имеющейся осетиноведческой литературе и главным образом к трудам А. Шегрена, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева.

Кроме того, в имеющихся в статье многочисленных схемах, диаграммах и таблицах не везде отражены некоторые характерные особенности дигорской фонетики. Так,

не выявлена седьмая дигорская фонема *i*, хотя автор вплотную подошел к разрешению этого вопроса (см. М. И. Исаев, О вокализме осетинского языка, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. III, 1954). Наконец, отрицательно сказалось на работе и то, что осведомитель-дигорец более двух десятилетий был оторван от своей языковой среды.

Е. Гендерсон совместно с проф. Г. Байли составила также индекс дигорских слов, употребленных в рецензируемой статье (см. BSOAS, т. XIII, part 2, 1950, стр. 381—388).

Дигорской фонетике посвящена и работа известного английского ираниста Г. Байли «Об ударении в дигорском диалекте осетинского языка» («Recherche linguistique» — сокр. *Ric. ling.*, — I, Roma, 1950, стр. 58—66), в которой автор излагает результаты наблюдения над речью одного дигорца (к сожалению, также оторванного от своей языковой среды уже в течение 30 лет). Устанавливая основные правила ударения, Г. Байли различает в дигорском длинные и краткие слоги. Долгие слоги образуются гласными *a, e, o* и дифтонгами *aj, oj, ай, ей* и др. К ним же примыкают и все закрытые слоги. Краткими же являются открытые слоги с гласными *ae, i, u*. Таким образом, Г. Байли с самого начала сводит дигорское ударение к количеству слога. Это положение, как нам представляется, правильно и оригинально, благодаря чему автору удалось пойти в разрешении вопроса дальше своих предшественников.

Рассмотрев простые слова и установив, что ударение в них всегда ограничено первыми тремя слогами, Г. Байли издвигает свое основное положение: если первые три слога либо длинные, либо краткие, то ударение в словах с тремя и большим количеством слогов падает на третий слог. Это положение само по себе правильно, если рассматривать его как те н д е н ц и ю. Однако Г. Байли возводит тенденцию в ранг з а к о н а. В дальнейшем автор старается приложить этот закон на многочисленных примерах с различными сочетаниями долгих и кратких слогов (например, для двухсложных слов устанавливается четыре положения, для трехсложных — восемь и т. д.). При таком подходе исключений оказывается больше, чем примеров, подтверждающих «закон». К тому же многочисленны и погрешности в языковом материале. В результате Г. Байли в своей весьма интересной работе не дает общих закономерностей дигорского ударения, хотя своими толстыми замечаниями и приближает нас к разрешению этой сложной проблемы.

Несомненный интерес представляет статья Г. Маррисона «Осетинские фамилии и личные имена» (см. *Ric. ling.*, II, 1951, стр. 75—88), в которой дается ряд интересных наблюдений, в частности, над разграничением форм мужских и женских имен, над образованием фамильных имен и т. д. Списки имен и фамилий приводятся в алфавитном порядке отдельных группами. Первая группа включает 326 мужских имен в дигорской форме. Следующая группа состоит из 34 дигорских женских имен; далее приводятся 119 дигорских фамильных имен, затем — 144 иронских фамильных имен. Однако общий список (623 имени) ни в коей мере не охватывает всего богатства личных и фамильных имен в осетинском языке. Кроме того, нередко вызывает сомнение правильность передачи материала, а иногда и его источник. Тем не менее, повторяем, статью Г. Маррисона следует признать весьма ценным начинанием в осетиноведении.

В статье И. Гершевича «Древние элементы в осетинском языке» (см. BSOAS, т. XIV, part 3, 1952, стр. 483—495) рассмотрен с исторической точки зрения целый ряд древних основ, сохранившихся в осетинских словах: *ræuonæ, fæzdonæ, fɔjau, imi-sun, liɜtæ, æzɜn, fedun, igurɜn* и др. Тому же автору принадлежит статья «Слово и его религиозное содержание» (см. BSOAS, т. XVIII, part 3, 1955, стр. 478—489); в ней исследуется осетинское слово *uac* (божественная весть, новость и т. д.) и его религиозное содержание, причем автор отчасти полемизирует с В. И. Абаевым, который также останавливается на данном вопросе, — см. его «Осетинский язык и фольклор», т. I (М.—Л., 1949, стр. 185 и сл.).

Интересный исторический материал по осетинскому языку можно найти в этимологических заметках проф. Г. Байли (см.: *Trans. Phil. soc.*, 1945, стр. 1—38; BSOAS, т. XIII, part 2, стр. 389—409; там же, part 3, стр. 920—938; там же, т. XV, part 3, стр. 530—540 и др.).

Существует еще целый ряд иранистических работ, в которых широко привлекается материал осетинского языка, а подчас имеются и ценные суждения по отдельным вопросам истории осетинского языка. В качестве примера можно назвать исследование известного чешского ираниста д-ра Л. Згусты «Собственные имена жителей греческих городов северного побережья Черного моря» (*L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955*).

В заключение следует упомянуть о выходящем с 1953 г. во Франции осетиноведческом журнале «Oss — Alanes. Journal trimestriel d'Institut d'ossetologie. Organe de Recherches Scientifiques (Iron institut)», который помещает статьи, посвященные вопросам археологии, истории, литературы, фольклора. Языковедческая часть представлена следующими статьями: Дз. Дзанта — «Империя осетин-алан (язык, культура и история)» (№№ 1, 2, 3-4, 5-6); «Список баскско-осетинских слов» (№№ 3, 4); «Отдел общего изучения Кавказа (развитие кавказского языкознания)» (№ 1); А. Бу р-

и а д е в а — «Неизвестные во Франции топонимические названия исторических мест по данным осетинского языка» (ЖЭ 1, 2) и др. В одном из академических изданий будет опубликована специальная рецензия, посвященная журналу «Oss-Alanes»).

М. И. Исеев

**Р. Г. Пиотровский.** Очерки по грамматической стилистике французского языка. Морфология. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. 169 стр. (Б-ка филолога).

Книга Р. Г. Пиотровского является первым в советском языкознании опытом изучения строя французского языка в плане стилистическом. Работа состоит из «Введения» (стр. 3—35), излагающего точку зрения автора на предмет стилистики в целом, и четырех глав: «Имя существительное» (стр. 36—82), «Имя прилагательное и его грамматические синонимы» (стр. 83—90), «Местомещение» (стр. 91—114) и «Глагол» (стр. 115—181). В отдельных главах дается грамматико-стилистическая характеристика соответственных частей речи с привлечением достаточно большого иллюстративного материала. В конце книги дана библиография (стр. 182—187), расположенная по темам.

Во «Введении» Р. Г. Пиотровский так определяет предмет и задачи стилистики: «Вопросами выбора языковых средств для точной и выразительной передачи того или иного содержания мысли занимается с т и л и с т и к а» (стр. 4). Автор вводит следующие понятия и термины: «Стилистика общенационального языка» (стр. 9—26), «Стилистика литературно-художественной речи» (стр. 27—31) и «Грамматическая стилистика» (стр. 31—35). Все же изложенное во «Введении» представляется бесспорным и равнозначным. Однако если противопоставление двух стилистик — общенационального языка и индивидуально-художественной или литературно-художественной речи, проводимое автором, может вызвать сомнения<sup>1</sup>, то никаких возражений, по нашему мнению, не может быть против выделения так называемой «грамматической стилистики», обоснование которой излагается во «Введении» и определяет собой и все дальнейшее построение книги.

Думается, что автора можно упрямить в том, что в своих теоретических положениях он недооценивает значения для стилистики экспрессивного, эмоционального фактора, ограничиваясь лишь упоминанием об «экспрессивно-оценочных возможностях грамматического факта» (стр. 33) и краткими замечаниями об «оценочно-выразительной характеристике (экспрессии) языкового элемента» (§ 19, стр. 25—26). В данном случае теоретическая часть книги Р. Г. Пиотровского («Введение») выступает в явное противоречие с последующими четырьмя главами, которые являются своего рода «стилистикой в действии», т. е. описанием и истолкованием стилистически окрашенных конкретных грамматических явлений французского языка. Во «Введении» эмоционально-чувственному, образному в стилистической системе языка уделено очень мало внимания, но в последующем изложении, при стилистическом анализе языковых фактов, автор пользуется почти на каждой странице такими характеристиками, как: «эмоциональное подчеркивание» (стр. 37); «аффективная заостренность», «пластичность и живописность» (стр. 38); «разговорно-экспрессивная окраска» (стр. 40); «функции художественно-эмоционального», «отчетливая экспрессивно-художественная заостренность» (стр. 42) и т. п. Мы позволили себе пронаести небольшой статистический подсчет: на 144 страницах книги (от стр. 36 до стр. 180) автор 83 раза привлекает подобные эпитеты. Мы не только не возражаем против широкого привлечения понятия «образности» в трактовке стилистических явлений, но считаем это вполне и даже единственно закономерным. Р. Г. Пиотровский своим изложением фактического материала подтверждает этот тезис, который, однако, не находит себе достаточно полного отражения в теоретической части исследования.

Другое возражение автору состоит в том, что он, хотя и устанавливает границы между грамматикой и грамматической стилистикой (стр. 33—35), но границы эти недостаточно отчетливы, и в дальнейшем изложении можно обнаружить явное смешение стилистических явлений с грамматическими. Мы полагаем, что всякому стилистическому истолкованию непременно должен предшествовать тщательный грамматический, а иногда и лексико-грамматический анализ. Другими словами, если мы рассматриваем какое-либо грамматическое явление в стилистическом плане, то «стилистика начинается там, где кончается грамматика»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Сам автор признает, что «практически явления стилистические (т. е. явления, находящиеся в сфере общезначимой стилистики) и явления стилизые (явления, присущие стилистике индивидуально-художественной) трудно разграничить, поскольку они находятся в постоянном взаимодействии» (стр. 28—29).

<sup>2</sup> Б. А. К р ж е в с к и й, Курс лекций по стилистике. I ЛГПИИЯ. Стенограмма от 16 октября 1952 г., стр. 14.